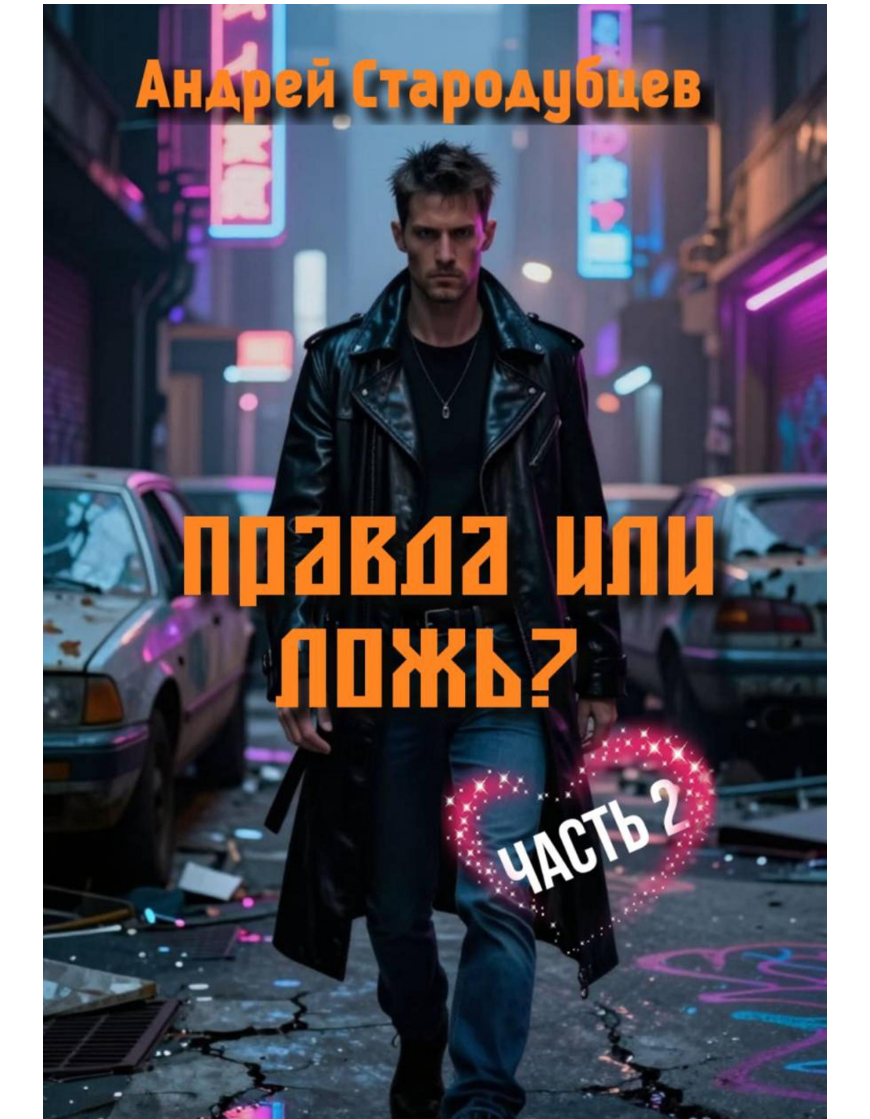

A man with short, dark hair and a serious expression is walking towards the camera. He is wearing a black leather trench coat over a black t-shirt and dark jeans. The background is a city street at night, illuminated by vibrant neon lights in shades of blue, purple, and pink. There are cars parked on the street, and the overall atmosphere is gritty and cinematic.

Андрей Стародубцев

**ПРАВДА ИЛИ
ЛОЖЬ?**

ЧАСТЬ 2

Андрей Стародубцев

Правда или Ложь. Часть 2

<https://litres.ru/73876048>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это вторая часть романа «Правда или Ложь?». Программист Майкл, потерявший всё в результате загадочной аварии, находясь в состоянии комы балансирует на грани жизни и смерти — а его сознание создаёт тысячи реальностей. Он блуждает по мирам собственных страхов и мечтаний. Чтобы вернуться в явь, ему нужно найти точку, где все реальности сходятся. Но что, если ключ к спасению — тот самый алгоритм, который должен был сделать мир идеальным?

Андрей Стародубцев

Правда или Ложь. Часть 2

Глава 1 Пепел старого мира.

«Судьба не ошибается — она лишь доводит до конца то, что было заложено в начале».

Вы, наверное, ждёте какой-то привычной истории — с чёткой завязкой, кульминацией и счастливым финалом. Так вот: моя жизнь — не такая. История моей жизни, которую я вам сейчас расскажу, мало похожа на то, чего вы, возможно, ждёте от меня услышать. В ней нет триумфальных побед, блестящих открытий или вдохновляющих поворотов судьбы. Но мне есть чем вас удивить — хотя, признаться, такой задачи я перед собой не ставлю.

Меня зовут Майкл, и я — программист. Когда-то я мечтал сделать мир идеальным — не просто улучшить его, а выстроить безупречную систему, где каждый элемент занимает своё место, а хаос уступает место порядку. И однажды эта мечта почти осуществилась: алгоритм, над которым я работал годами, начал давать первые результаты. Мир словно замер в ожидании — вот-вот, ещё чуть-чуть, и всё изменится...

Но нелепая авария разделила мою жизнь на «до» и «после». В один миг всё, что имело значение, рассыпалось в прах. Мечты, любовь, надежды — лишь пепел, развеянный

ветром судьбы. Я возомнил себя творцом, архитектором новой реальности, — и тут же потерял всё: работу, близких, самого себя.

Сейчас, когда вы читаете эти строки, я лежу в палате интенсивной терапии в состоянии клинической смерти — балансирую на грани между жизнью и забвением. Монитор рядом мерно пикает, фиксируя редкие всплески активности мозга, а врачи шепчутся за дверью, обсуждая шансы, которых, кажется, уже нет. Но какой у меня выбор? Лежать и ждать, пока нить, удерживающая меня в этом мире, окончательно оборвётся? Или попытаться понять, что произошло на самом деле?

Прошли годы, прежде чем я осознал одну страшную истину: та авария была не случайностью. Всё было подстроено — слишком много мелких деталей указывали на это. Слишком много «совпадений», слишком много нестыковок в официальной версии.

Моя новая реальность превратилась в игру — жестокую, изощённую. Игру, где ложь звучит убедительнее правды, где каждый шаг просчитан кем-то другим, а мои собственные решения оказываются лишь иллюзией выбора. Здесь правила диктуют не логика и разум, а скрытые механизмы, управляющие событиями за кулисами. И из этой игры у меня, кажется, нет выхода.

Но что, если выход — это не побег, а понимание? Своего рода принятие неизбежного. Что, если ключ к освобожде-

нию кроется в том самом алгоритме, который когда-то должен был сделать мир идеальным? Возможно, именно он — и причина, и решение. Нужно лишь вспомнить... вспомнить всё.

За те три года, что я провёл в состоянии комы, я пару раз приходил в сознание — краткими, обрывочными вспышками, — а затем снова погружался в бессознательное восприятие иной, чуждой реальности, в которой наблюдал различные интерпретации происходивших со мной событий.

Каждый выход из забытья напоминал пробуждение от долгого сна, когда ещё не понимаешь, где заканчивается сновидение и начинается явь. В первый раз я открыл глаза — или мне показалось, что открыл, — и увидел потолок палаты: желтоватый, с едва заметной трещиной, тянущейся от угла к центру. Рядом слышалось монотонное пиканье аппарата, поддерживающего жизнь в моём неподвижном теле. Но это длилось всего несколько мгновений — а потом мир дрогнул, расплылся, и я очутился в другом месте.

В той реальности я жил обычной жизнью. Я ходил на работу, встречался с друзьями, спорил с Кристиной из-за мелочей — например, из-за того, куда поехать в отпуск. Всё казалось до боли настоящим: запах свежесваренного кофе по утрам, скрип половиц в нашем доме, тепло её руки в моей. Но чем дольше я там находился, тем больше замечал странностей.

Однажды я увидел как мы с Кристиной на пляже в месте,

где мы никогда не были, я с незнакомым ребёнком на руках, будто это мой сын...

Эти нестыковки накапливались, как трещины на стекле, угрожая расколоть иллюзию. Я начал подозревать, что эта жизнь — лишь одна из множества версий, созданных моим сознанием в попытке осмыслить то, что произошло до комы. Каждая реальность предлагала свой ответ: в одной я был успешным бизнесменом, в другой — программистом, в третьей — человеком, который никогда не встречал Кристину.

Во время второго пробуждения я уже отчётливо понимал: что-то не так. Я лежал, не в силах пошевелиться, но мысли текли ясно. Врачи говорили обо мне в третьем лице, обсуждали шансы на восстановление. Их голоса доносились будто издалека, сквозь толщу воды. А потом — снова падение, снова переход в иную реальность. На этот раз она была мрачнее: остров, улицы которого казались пустынными, небо — свинцово-серым, а люди — тенями без лиц. Я шёл по городу и чувствовал, как время здесь течёт иначе: минуты растягивались в часы, а воспоминания путались, смешиваясь с чужими. Там я познакомился с Майей, девушкой из моих снов. Там же я потерял её.

Я начал осознавать: эти миры — не просто сны. Они были связаны с моей жизнью, с моими страхами и сожалениями. Каждый из них отражал какую-то часть меня — то, что я потерял, то, чего боялся, то, о чём мечтал. И чем глубже я погружался, тем яснее понимал: чтобы вернуться по-насто-

ящему, мне нужно найти ту точку, где все эти реальности сходятся. Точку отсчёта. Истинную реальность.

Сейчас, лёжа в палате, я чувствую, как границы между мирами истончаются. Память возвращается обрывками, но вместе с ней приходит и сила — сила сделать выбор. Я больше не буду пленником чужих интерпретаций. Пора проснуться. По-настоящему.

Сейчас моя единственная цель — найти выход из этого лабиринта, в котором я оказался. Он не из камня и не из стен: он соткан из теней сомнений, тупиков страха и зеркальных отражений ложных путей. Каждый поворот кажется знакомым, но ведёт в никуда.

Что будет потом? Я не знаю. Но сейчас я отчётливо понимаю одно: если я проиграю в этой игре — не просто уступлю, а именно проиграю до конца, без шанса отыгаться, — то уже ничто не будет иметь смысла. Никогда.

Я оказался в странном состоянии — врачи называют его клинической смертью или комой. Но для меня это стало чем-то вроде пограничья, где я одновременно существую в двух мирах.

Ощущения, мягко говоря, не из приятных. Ты видишь всё со стороны — будто завис в воздухе, прозрачный и бесплотный. Ты больше не участник, а лишь свидетель: люди проходят сквозь тебя, не замечая, словно ты — всего лишь дуновение ветра или тень на стене. Их движения, жесты, мимика — всё перед тобой, как на экране, но ты не можешь ни

окликнуть, ни коснуться, ни вмешаться.

Вместе с тем обострилось моё восприятие — словно отголоски этого нового мира, столь непохожего на мой прежний, проступали сквозь привычную реальность. Я ощущал всё по-новому: запахи стали пронзительнее, звуки — объёмнее, а цвета будто приобрели дополнительные оттенки, невидимые прежде. Мир людей теперь имел иные, совершенно новые для меня свойства.

Я начал замечать внутренний свет, исходивший от них, — незримую ауру, и она у каждого была своя, неповторимая. У кого-то сияла ярко, подобно пламени свечи в тёмной комнате, переливаясь золотистыми и голубыми всполохами. У других же едва тлела, словно последние угли в остывающем камине, бросая тусклые багровые отблески. Запахи тоже изменились: кто-то источал аромат дорогого парфюма с нотами сандала и бергамота, кто-то — тяжёлый, затхлый запах давних грехов, а иные несли с собой леденящее дыхание смерти, едва уловимое, но оттого не менее пугающее.

При этом ты чувствуешь их — не физически, а на каком-то глубинном, почти мистическом уровне. Ты улавливаешь их настроение, их внутреннюю ауру, то, чем они наполнены изнутри. Это похоже на сверхмощный рентген, который просвечивает не кости и органы, а душу: ты видишь её цвет, плотность, вибрации.

Одни люди напоминают открытый холодильник с просроченными продуктами — тусклые, затхлые, пропитанные за-

вистью, страхом, злобой. Я мысленно называю их «просроченными». От них исходит тяжёлый, давящий холод — как от сырой стены в заброшенном доме. Проходя мимо, они оставляют за собой след, похожий на масляное пятно на воде: он расплывается, липнет к тебе, и ты невольно вздрагиваешь, стараясь отстраниться.

Совсем другое дело — влюблённые. Они вспыхивают в этом сером потоке, как первые весенние цветы. Их аура переливается всеми оттенками радуги: нежно-розовым, золотисто-жёлтым, бирюзовым, как небо после грозы. От них веет теплом и светом, словно от только что растопленной печи в морозный день. Их энергия пахнет подснежниками, талым снегом и солнечными лучами — и на мгновение ты забываешь, где находишься.

Постепенно я привык к своему новому положению — к тому, что я теперь словно изгой в мире людей. Бесплотный, невидимый, лишённый голоса. Врачи по очереди подходят к моему телу, осматривают, качают головами, переговариваются тихими, осторожными голосами. Потом отходят, записывают что-то в карты и уходят — один за другим. Ничего не меняется. Совсем. И к этому я тоже привык, потому что выбора у меня нет.

Моя жизнь превратилась в один бесконечный, бессмысленный сон — вязкий, тягучий без пробуждения, без надежды из которого, казалось, нет выхода... Я и сам выглядел не лучше — застывший, подвешенный между мирами, наблю-

дающий, чувствующий, но не живущий.

Я лежал — вернее, моё тело безвольно распростёрлось на жёсткой больничной койке, — а я сам сидел рядом и пристально смотрел на него. Было неловко, почти стыдно: оно пребывало в таком беспомощном состоянии, а я, свободный от его оков, ничего не мог сделать. И всё же я был в поисках решения, ответа — что дальше? Он пульсировал где-то на краю сознания, манил, звал к действию.

Все, кто описывал состояние в коме, были не до конца откровенны. Они упускали нечто важное — то, что я ощутил в полной мере. Помимо собственных чувств и мыслей, здесь присутствовали иные сущности, скользили по граням реальности, шептали что-то едва уловимое. Я почувствовал это особенно остро, когда услышал:

— У тебя не получится...

Глава 2 Кэтрин.

Проводник — это мост, который существует между мирами, но не принадлежит ни одному из них.

Я отвлёкся от созерцания своего тела и резко обернулся в сторону, откуда донёсся голос. Вокруг не было привычных людей в физических телах — ни врачей, ни медсестёр, ни посетителей. Лишь одна фигура, такая же, как я. Говоря «такая же», я не имею в виду обычного человека, как это принято считать.

Передо мной стояла прозрачная, но вполне отчётливая сущность — миловидная женщина с тонкими чертами лица и безмятежным взглядом. Её облик сохранял индивидуальность: она была красива той вечной, вневременной красотой, что не зависит от возраста. Одета она была просто — в лёгкое платье пастельного оттенка и тонкий кардиган, какие сейчас носят в прохладные дни. Волосы, уложенные в небрежную причёску, слегка мерцали, словно сотканые из лунного света. Она стояла в пяти шагах от меня и загадочно улыбалась — улыбка её таила в себе одновременно и сочувствие, и предостережение, будто она знала что-то, чего пока не дано было понять мне.

— Простите? — произнёс я, лишь бы нарушить неловкую тишину, голос прозвучал непривычно глухо, будто доносился издалека.

Её улыбка стала чуть шире, в уголках глаз собрались тонкие лучики морщин — не от возраста, а словно от затаённого веселья.

— Ты не сможешь, — повторила она, и в этих словах прозвучала не угроза, а спокойная уверенность человека, знающего непреложный факт.

— Что не смогу? — я встал и невольно сделал шаг назад, но пространство вокруг будто сжалось, не позволяя отдалиться.

Она сделала шаг навстречу — плавный, почти танцующий, беззвучный, как движение тени на стене. Затем ещё

один, и ещё, пока не оказалась почти вплотную ко мне. Её рука, лёгкая и невесомая, коснулась моей щеки.

Я вздрогнул — и тут же замер, поражённый ощущением. Она была тёплой. Именно тёплой — это чувство резануло по нервам, выбиваясь из привычной картины. Большинство тех, кого я наблюдал здесь — вероятно, пациенты этой клиники, — источали холод. Они скользили мимо меня, бросая подозрительные взгляды, и исчезали в туманных переходах между мирами. Их ауры мерцали тускло, как угасающие звёзды, а прикосновения, если случались, оставляли после себя озноб и пустоту.

Но эта женщина была иной. В ней чувствовалась жизнь, сила, знание. Она вела себя так, словно знала обо мне всё — от первого крика при рождении до того самого конца, о котором я и сам пока не имел ни малейшего представления.

Я осторожно убрал её руку от своего лица и выпрямился во весь рост. Теперь наши глаза оказались почти на одном уровне. В её взгляде я уловил искры веселья — не злорадного, но какого-то отстранённого, словно она наблюдала за экспериментом, исход которого заранее предreshён.

— Я не понимаю... — начал я, стараясь унять дрожь в голосе и надеясь выудить хоть крупицу информации о том, чего сам пока не мог осознать.

— Майкл, — она склонила голову набок, и в этот момент мне показалось, что она заглянула прямо в душу — туда, где клубились мои страхи, метались сомнения и притаились са-

мые тёмные демоны. — Ты здесь ненадолго и скоро уйдёшь. Я вижу тебя насквозь: твои желания, надежды, страхи. И я знаю, чем именно они закончатся. И да — ты не сможешь ничего *изменить*.

Эта мысль пришла ко мне внезапно, подобно яркой вспышке молнии в тёмном небе моего сознания. Я вдруг осознал всё с такой кристальной ясностью, что едва не рассмеялся — настолько простым и очевидным оказалось то, чего я не замечал раньше. Решение лежало прямо передо мной: протяни руку — и оно исполнится, стоит лишь поверить.

Я всмотрелся в её бесцветные глаза — они напоминали предрассветное небо, где редкие звёзды ещё не успели погаснуть. В них мерцали искорки, похожие на далёкие светила, пульсирующие в ритме неведомого космоса. Кто она? Откуда знает моё имя?

— Я — Кэтрин, — прозвучало в тишине больничной палаты. Просто и в то же время обворожительно.

И тут я осознал: она не открывала рта. Звука не было. Но я слышал её! Это было невероятно! Я слышал её мысли — ясно, отчётливо, словно они вливались прямо в сознание.

Ощущение напомнило внезапное прозрение. Представьте: вы как обычно слушаете музыку. У вас нет музыкального слуха — вы не отличите ноту *до* от ноты *ля*. И вдруг — щелчок. Вы не просто слышите мелодию, а различаете каждую ноту, улавливаете ритм, чувствуете малейшую фальшь, когда в аккорде рука гитариста случайно дрогнула. С этого мо-

мента вы больше не можете просто слушать музыку, беспечно наслаждаясь лишь мотивом и голосом певца. Теперь вы следите за каждым звуком, анализируете технику, замечаете, что солист не так уж хорош — его вокал слаб, он фальшивит на высоких нотах. Это другое измерение, новый уровень восприятия, от которого уже не вернуться к прежнему.

— Не могу? Но почему? — выдохнул я, чувствуя, как внутри закипает смесь отчаяния и упрямого сопротивления.

Кэтрин чуть склонила голову, её улыбка стала мягче, почти сочувственной.

— Потому что правила установлены не тобой и задолго до тебя, Майкл, — произнесла она. — И ты — лишь часть той большой игры, где каждый ход уже расписан. Но не бойся... у каждого есть шанс увидеть истину. Пусть и по-своему. Вопрос лишь в том, готов ли ты её принять.

Она медленно отвернулась от меня и устремила взгляд на моё тело, безжизненно распростёртое на больничной койке. В её фигуре появилась какая-то новая тяжесть, словно сама реальность вокруг неё сгустилась, стала плотнее.

— Ему осталось недолго, — произнесла она глухо, и голос её теперь звучал не как раньше — в нём зазвучали низкие, вибрирующие ноты, от которых по спине пробежал ледяной озноб. — И ты не спасёшь то, что уже мертво. Просто твой мозг, твоё сознание ещё цепляется за эту жизнь, но это пройдёт. Ты должен принять произошедшее как свою судьбу.

Она вновь повернулась ко мне — и я отшатнулся. В её

глазах больше не было ни веселья, ни сочувствия. Это были глаза Смерти: чёрные, бездонные, поглощающие свет. От неё повеяло таким пронизывающим холодом, что воздух вокруг словно заледенел, а дыхание вырывалось изо рта облачками пара.

— Кто ты? — сорвалось у меня, едва она подняла руку и протянула её ко мне.

Я отпрянул, словно от обжигающего пламени. Она снова улыбнулась — но теперь в этой улыбке не было ничего человеческого.

— Я та, кто заберёт тебя, как только ты перестанешь цепляться за иллюзию, — её голос проникал прямо в сознание, обволакивал, давил. — Ты застрял между мирами, Майкл, но я облегчу твои страдания — только попроси меня.

— Я не понимаю... — снова прошептал я, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

Улыбка мгновенно исчезла. Её лицо превратилось в бесстрастную маску, а в комнате произошло нечто жуткое: стены покрылись тонким слоем инея, который расплзался причудливыми узорами, словно морозные пальцы скользили по поверхности. Лампочка под потолком замерцала, замигала, отбрасывая неровные тени.

— Майк! — её голос прозвучал резко, хлестко, как удар кнута. — Ты мёртв... Пойми это уже наконец и смирись. Та авария — ты погиб в ней. Твой мозг ещё живёт, но тело — нет! Почему ты всё ещё цепляешься за него? Что тебя дер-

жит здесь?

Она пристально вгляделась в мои глаза, пытаясь отыскать причину моего странного упорства, прочесть то, что я сам не мог до конца осознать.

— Вижу, ты в замешательстве... — она чуть склонила голову, и в этот миг иней на стенах заиграл голубоватым светом. — Я поясню. Те из вас, кто испытал клиническую смерть, могут вернуться обратно в мир материи — но не ты. У тебя, в отличие от них, нет незавершённых дел. Ты закончил свой путь и можешь закрыть за собой эту дверь вместо того, чтобы стоять в проходе и постоянно оглядываться назад.

Я понимал её, понимал правильность её слов и доводов — всё так. Тогда почему я всё ещё тут? Почему не могу уйти, как остальные?

Постепенно эта мысль дала корни в моём сознании, пустила тонкие ростки сомнений. Мой взгляд невольно скользнул по конверту, лежавшему на тумбочке у изголовья кровати. Он был слегка потрёпан, с загнутыми уголками — видно, его не раз брали в руки.

Кэтрин перехватила мой взгляд — и это её снова рассмешило. Смех прозвучал неожиданно звонко, почти по-детски, но в нём чувствовалась древняя, пугающая мудрость.

— Серьёзно? — она приподняла бровь, и её глаза на мгновение вспыхнули алым. — Майкл, ты же влюблён... Так вот что тебя держит здесь! Теперь понятно, почему я не имею

над тобой полного контроля. Ты влюблён...

Я перевёл взгляд с Кэтрин на конверт, а затем, словно стыдясь чего-то сокровенного, опустил глаза. Пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

— Майкл, — её голос прозвучал мягче, почти печально, но в нём по-прежнему таилась непреклонная сила. — Ты словно ребёнок двух миров: одной ногой стоишь в жизни, что была, но уже стала тенью, другой — в той, что тебе суждена. Ты проживаешь две жизни одновременно — и обе они терзают тебя, разрывая твою душу надвое.

Она сделала шаг ближе, и воздух вокруг задрожал, словно от невидимой вибрации. Её прозрачные пальцы едва заметно мерцали, будто сотканные из лунного света и утреннего тумана.

— Но ты должен выбрать одну, — продолжила она, и в её взгляде, теперь почти человеческом, читалась странная, древняя усталость. — Ту, что даст тебе освобождение. Не избавление от жизни — нет. Освобождение от этой мучительной неопределённости, от вечного балансирования на грани, где нет ни будущего, ни истинного покоя.

Кэтрин подняла руку, словно хотела коснуться моего плеча, но остановилась в дюйме от него. Её аура больше не источала леденящий холод — теперь она напоминала сумеречное небо, где ещё тлеют последние отблески заката.

— Представь, — тихо произнесла она, — что ты стоишь на перекрёстке. По одну сторону — дорога, вымощенная

воспоминаниями: смех, слёзы, любовь, боль... Всё, что сделало тебя тобой. По другую — путь, окутанный туманом, но свободный от бремени нерешённых вопросов. Там нет сожалений, нет страха перед будущим — только покой.

Её глаза, прежде бездонные и чёрные, теперь отливали мягким серебристым светом, словно в них отражались далёкие звёзды.

— Ты держишь в себе два сердца, Майкл, — каждое бьётся в своём ритме. Одно тоскует по тому, что было, другое жаждет отпустить. И пока они борются, ты остаёшься здесь — между мирами, между вдохом и выдохом, между «было» и «будет».

Она отступила на шаг, и её фигура начала слегка мерцать, растворяясь в воздухе. Но голос звучал всё так же отчётливо — проникая прямо в сознание:

— Выбор за тобой. Остаться в плену воспоминаний или шагнуть навстречу освобождению.

Она снова посмотрела на моё безвольное тело, на бледное лицо, застывшее в неподвижности, и произнесла — не как напутствие, а скорее как проклятие, которое останется со мной:

— Майкл, сделай правильный выбор. И чтобы ты не сделал, там я буду ждать тебя... сколько бы времени ни прошло. В каждом закате, в каждом шёпоте ветра, в тишине между ударами сердца — я буду там, чтобы встретить тебя, когда ты наконец решишься.

После этого она исчезла — так же внезапно, как появилась, оставив после себя лишь едва уловимый аромат лаванды и ощущение странной, светлой грусти. Не было ни вспышки света, ни вихря, ни звука. Просто в один миг она была здесь, а в следующий — её уже не существовало. Только иней на стенах начал медленно таять, а лампочка под толчком перестала мерцать, заливая палату ровным, холодным светом.

В палате снова стало тихо — только тиканье часов на стене отсчитывало мгновения, которые теперь казались особенно ценными.

Но едва она исчезла, как в ту же секунду дверь моей палаты распахнулась — будто кто-то с силой толкнул её с той стороны и на пороге возник доктор, наблюдавший за мной все эти дни. Но вот что странно: он застыл, словно изваяние, не решаясь сделать первый шаг. Плечо его так и осталось приподнятым, рука замерла на ручке двери, а взгляд остекленел, будто время вокруг него остановилось.

Время действительно «заморозилось» — точно сцена из фантастического фильма, где все персонажи застыли в нелепых позах, но не я. Я отчётливо видел каждую деталь: пылинку, медленно кружащуюся в луче света из щели под шторой; едва заметную дрожь пальцев врача; блик на металлической ручке двери. Это длилось каких-то несколько мгновений — может, две или три секунды, — но они растянулись в целую вечность.

Затем мужчина ожил так же внезапно, как замер. Он прошёл сквозь меня — я ощутил мгновенный холодок, будто по коже скользнул сквозняк, — и направился к окну. По пути он бросил короткий взгляд на тело Майкла — моё тело, — которое безнадёжно ждало окончания брэнного странствия по этому миру, чтобы стать пеплом, а затем обычной пылью, ведь впереди его ждал только крематорий...

Врач подошёл к окну, задернул шторы — ткань шелохнулась с тихим шуршанием, — и подошёл к моему телу. В руках он держал планшет; пальцы быстро забегали по экрану, выстукивая ритм, который, казалось, отсчитывал последние такты моей земной жизни. Вероятно, он записывал динамику моего состояния — ту самую, что застыла, как трещина в древней, уставшей стене: она замерла, едва заметная, но уже пронизавшая весь фундамент, готовая в любой миг разверзнуться и обрушить всё, что ещё стояло.

В его глазах читалась пустота, на лице — ничего: ни сожаления, ни надежды, ни тени эмоций. Лишь механическая сосредоточенность человека, выполняющего привычную работу. Он ушёл так же внезапно, как и появился, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Я остался один — в состоянии, когда хочется остановить мир и сойти. Куда? Да куда угодно, лишь бы прекратить этот бессмысленный бег по кругу, эту вечную неопределённость между «было» и «будет».

Мой взгляд снова упал на конверт, лежавший на тумбочке

у изголовья. По привычке я протянул к нему руку — и она прошла сквозь него, оставив после себя лишь лёгкое мерцание, будто от разряженного статического электричества. Сам не знаю зачем я это сделал. Мне не нужно было вскрывать его, чтобы прочесть, что там написано. Я знал эти слова наизусть — они отпечатались в памяти, как старый шрам на коже. В них была заключена целая жизнь: воспоминания о смехе, слезах, прикосновениях; обещания, данные под звёздным небом и тишина рассветов. В этих словах таились целые вселенные с их тайнами и смыслом — миры, которые я так и не открыл. Они держали меня на поверхности, подобно тонкому льду, за который я отчаянно цеплялся, чувствуя, как он трескается под весом нереализованных надежд.

«Я скучаю...» — эти слова пульсировали в сознании, как последний маяк в кромешной тьме. Они были не просто признанием тоски — они были якорем, привязывающим меня к жизни, к любви, к возможности вернуться.

Глава 3 Наперекор судьбе.

Если исключить то, что невозможно, то что останется — и будет истиной.

После исчезновения Кэтрин я наконец осознал одну простую истину, как бы банально сейчас она не прозвучала: я, как и любой из нас — не игрушка в руках судьбы, а нечто куда большее. Не оглядываясь, я отправился на тот злопо-

лучный перекрёсток — место, что отняло у меня всё: мой мир, мою жену, мою работу, всё, чем я жил, дышал, ради чего вставал по утрам.

Я стоял в самом его центре. День выдался солнечным, но небо уже заволакивали первые редкие тучи — словно предвестники беды. Они бросали неровные тени на асфальт, будто кто-то проводил по земле чёрные линии, разделяющие жизнь на «до» и «после».

Я огляделся. Вокруг кипела обычная городская жизнь: люди привычно сновали по улицам, спеша по своим делам, с озабоченными лицами и сумками в руках; машины проносились мимо, обдавая меня запахом гари и бензина, их гудки смешивались с отдалённым шумом города. Всё казалось таким обыденным — и в то же время чуждым, словно я смотрел на этот мир сквозь толстое стекло очков.

И вдруг всё замерло...

Включился красный свет, и перекрёсток онемел. Наступило то странное, почти мистическое мгновение, когда машины уже стоят, а пешеходы ещё не начали движение. Время словно зависло в воздухе, замерло на тонкой грани между прошлым и будущим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.